

АРТИСТ СЦЕНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Осенью 1947 года рязанские зрители, читая программу спектакля, которым открывался зимний сезон областного драматического театра, впервые встретили среди исполнителей фамилию Ф. Н. Белопольского. Он играл роль парторга на заводе.

Пьеса была довольно схематичная, трафаретная, поверхностная. Давно уже сошла она со сцены. Но трудно забыть образ парторга, воплощенный тогда Ф. Белопольским. Удивительно, как смог актер вопреки сухому, поучающему тексту, в котором изрекались прописные истины, наделить своего героя живым человеческим характером. Это был действительно партийный работник, человек большой души и кипучей энергии, который и задумывался, и волновался, но и в трудных условиях военного времени умел воодушевлять людей, работавших для победы над врагом.

А через некоторое время зрители увидели Ф. Белопольского уже в совершенно иной роли боярина Парфена из «Каширской старины». Но узнать его было не так-то легко. Ничего общего с предыдущей ролью не оставалось в этой тучной фигуре, в этих повелительных жестах, в этом самоуверенном тоне властолюбивого боярина.

Новая роль — новая неожиданность. В пьесе А. Штейна «Закон чести» выведен недальновидный ученый Добротворский, человек слабохарактерный и политически близорукий. Одетый в непомерно длиннополый пиджак, он и сам какой-то мешковатый, нескладный,

растерянный. Он разводит руками, пожимает плечами, недоумевает, когда другим все яснее ясно. Жена Добротворского, например, возмущается тем, что он принял в подарок какую-то диковинную авторучку, которую ему подсунили, чтобы усыпить его бдительность, а Добротворский лишь удивляется: чего, мол, предостудительного в этом маленьком перышке?

— Перышко... — повторяет он нараспев, показывая ноготь своего мизинца.

И сколько же наивности, жизненной неопытности в этом восклицании пожилого человека, отгородившегося в своих лабораториях и кабинетах от окружающей его действительности! Таким нарисовал его Ф. Белопольский.

Вообще Ф. Белопольскому повезло на ролях ученых. Он играл профессора Берга в пьесе Л. Шейнина «В середине века», академика Картавина — в комедии Н. Погодина «Когда ломаются копья». В одном из них артист подчеркивал вдумчивость ученого, в другом радовал свежим, сочным юмором.

А вот персона — тоже как будто с внешностью старого интеллигента. Но всматриваешься в нее, и все больше замечаешь надменность, озлобленность, моральное уродство этого человека. Это — белозимрант Пржедлпкий из спектакля «На той стороне». «Дремлют плакучие ивы», — закатив глаза, с надрывом напевает он. И артист Белопольский, исполняя роль Пржеденкого, вкладывает трагикомические ноты в интонацию напыщенного аристо-

НА СНИМКАХ — арт. Ф. Н. Белопольский в ролях (слева направо): Гневнышева («Богатые невесты»), Бондаренко («Интервенция»), Яго («Отелло»), Коломийцева («Последние»).

крата, тоскующего на чужбине о своем безвозвратно ушедшем прошлом.

Как далек от этого музейного экспоната мужественный, волевой советский генерал Маслов из пьесы бр. Тур «Губернатор провинции». И как много обаяния, простоты, непосредственности вносит в образ старого воина тот же самый артист, что с беспощадной обличительностью лепил острохарактерный, гротесковый образ «титованного эмигрантского подонка».

Искусство сценического перевоплощения, которое с первых же ролей Ф. Н. Белопольского в Рязанском областном драматическом театре привлекло внимание зрителей, год от года сказывалось все отчетливее и полнокровнее.

Сколько споров и дискуссий разгоралось в свое время в театральных кругах по поводу того, должны ли актеры иметь определенное амплуа, какие именно роли им надлежит играть. Ф. Белопольский — один из тех, кто своим творчеством

как бы говорит: актер может играть самые разнообразные роли, было бы вдохновение да упорный, кропотливый труд.

Целая галерея художественных образов, воплощенных этим артистом, проходит перед нами в пьесах русской и зарубежной классики. Вот веселый, хитрый и находчивый слуга Мартин из комедии Лопе де Вега «Девушка с кувшином». А вот терзающийся в муках ревности кавалер Риппофратата из комедии Карло Гольдони «Хозяйка гостиницы». Вот, наконец, и Болингброк из скрибовской комедии «Стакан воды», извергающий водопад колких, язвительных фраз с изысканно любезной улыбкой на устах и отменно учтивыми поклонами.

Яго из шекспировского «Отелло» — одна из самых сложных ролей в мировой драматургии. В самом деле, сколько коварства, зависти, злопыхательства в этом омерзительном провокаторе, отравляющем ядом подозрений доверчивую душу благородного мавра! А между

тем все, в том числе и сам Отелло, считают его воплощением добродетели и честности. Значит, нельзя показывать Яго откровенным злодеем с демоническими повадками, как это часто делали исполнители его роли. Значит, надо показывать прежде всего хитрую маскировку Яго. Именно по такому пути пошел Ф. Белопольский, исполняя эту роль. Как приветлив, внимателен и предупредителен его Яго с собеседниками, каким искрающимся фонтаном брызжет и льется через края неугомонная веселость мнимого доброжелателя. После этого контрастной, выпуклой кажутся и те циничные признания, которые наедине с самим собой высказывает Яго, и та паутина интриг, которую он плетет за спиной своих жертв. Здесь артист достигает редкостного перевоплощения: не только сам он неузнаваемо воплощается в роль, но и в роли-то его герой ведет двойную игру, все оттенки которой переданы Белопольским необычайно тонко. Тут колорит роли совсем не тот, что в грубом, хриплом анархистском во-

жаке из «Оптимистической трагедии», где актер показал совершенно иной тип авантюриста.

Талант Ф. Н. Белопольского ярко проявился в постановках пьес А. Н. Островского. Правда, можно спутать по внешнему облику многочисленные разновидности барина с закрученными усами и пыльными бакенбардами, которых изображает актер на сцене. Но спутать те краски, которыми Ф. Белопольский рисует внутренний мир каждого такого персонажа, невозможно.

Брюзжащий, раздраженный тон Гневнышева из «Богатых невест» как нельзя лучше подходит к этому старому развратнику, привыкшему повелевать чиновниками и покупать на деньги человеческую совесть. Но если Гневнышев под личной светской элегантности скрывает низменную похоть, то Беркутов из «Волков и овец» под той же оболочкой таит хищническую страсть к наживе. С каким укором в интонациях голоса и в глазах он обрывает собеседников, не понимающих его корыстолюбивых планов.

Разнообразна в репертуаре Белопольского и серия персонажей горьковской драматургии. Здесь и полицейский громила Коломийцев из «Последних», олицетворяющий растлевшее дворянство, и трудолюбивый Мостаков из «Старика», ставший жертвой социальной несправедливости капиталистического строя.

Но, пожалуй, больше всего в творческой биографии Ф. Белопольского все-таки образов из современной советской драматургии. Постановки на рязанской сцене пьес Вс. Вишневского, Г. Мдивани, В. Минко, С. Алешина, Л. Славина и многих других находят в нем самого активного участника. Художественными образами этих спектаклей он всегда стремится донести со сцены высокие идеалы коммунистической нравственности и советского патри-

тизма, горячее дыхание борьбы народа против интервентов и героизму мирного созидательного труда.

В этом отношении типичны две последние работы Ф. Н. Белопольского: коммунист-подпольщик Бондаренко, борющийся за освобождение от оккупантов Советской земли («Интервенция») и старый советский хирург Василий Федорович, борющийся за продление человеческой жизни («Одна»). В них обоих несметные духовные богатства, которые помогают им верно служить своему народу и беречь высокие моральные принципы. Они оба бывают гневны. Но как страшен гнев Бондаренко, обращенный против врагов отчизны, и какими глубокими раздумьями сопровождается переживание старого врача за судьбу дочери, нарушившей нравственные устои. Пафос освободительной войны и лирическая драма придают разную окраску этим двум образам. И снова артист Ф. Белопольский ищет на своей творческой палитре те краски, которые лучше, типичнее оттенят характер эпохи и жанр пьесы.

Помимо творческой работы Ф. Н. Белопольский занят большой общественной деятельностью. Он — председатель отделения Всероссийского театрального общества.

Белопольского хорошо знают зрители не только Рязани, но и Москвы, Харькова, Ижевска, Краснодара, Иркутска, других городов Советского Союза. Все они с удовлетворением восприняли Указ Президиума Верховного Совета Республики о присвоении этому мастеру сцены почетного звания заслуженного артиста РСФСР.

Франк Наумович Белопольский — в расцвете творческих сил. И если изредка еще встречаются роли, где он сколько-нибудь повторяется, то дальнейший творческий рост, в котором артист никогда не застывает, поможет ему и впредь совершенствовать свое мастерство.

Г. КНЯЗЕВ.